

Андрей Красильников

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

2

Андрей Красильников

Избранные произведения. Том 2

Издательство "Руда"

2013

ББК 84 (2 Рос = Рус)

Красильников А. Н.

Избранные произведения. Том 2 / А. Н. Красильников —
Издательство "Руда", 2013

ISBN 978-5-86609-173-7

Второй том «Избранных произведений» известного русского писателя и общественного деятеля А.Н. Красильникова (р. 1953) составили последние одиннадцать глав и пять преданий романа «Старинное древо» (2006), а также рассказ «Аллергия» (2003) из сборника «Причуда». В роман «Старинное древо», посвящённый истории одного рода за последние четыреста лет, включены документальные материалы и цитаты из «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва. Действие романа разворачивается в Москве, а также районном центре Ольгин в бывшей Северной земле. Под этим названием скрывается реальный город Льгов Курской области. В романе под вымышленными именами действуют его современные жители. Центральным событием становится празднование 850-летия города в 2002 году, участником которого был и сам автор, приглашённый как потомок одного из земских деятелей XIX века. Параллельно исследуется история самобытного русского парламентаризма, начиная с Земского собора 1613 года. Выход книги приурочен к 60-летию со дня рождения писателя.

ББК 84 (2 Рос = Рус)

ISBN 978-5-86609-173-7

© Красильников А. Н., 2013
© Издательство "Руда", 2013

Содержание

Старинное древо	6
Глава десятая	6
Глава одиннадцатая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Николаевич Красильников

Избранные произведения. Том 2

© А.Н. Красильников, 2013

Старинное древо

Глава десятая

Вот и октябрь наступил. Любимый месяц Пушкина и устроителей государственных переворотов. Сколько их было в истории России! Сколько ещё будет?

Александр ехал на работу в скверном настроении. Предстоял тяжёлый разговор с Михаилом Давыдовичем. Вчера того удалось захватить врасплох, и он выглядел слегка обескураженным, зато сегодня наверняка постарается взять реванш. Как пить дать постарается! И не потому, что не согласен с действиями своего заместителя: из природной вредности. Он привык диктовать всё, всегда и всем. Человеческая самостоятельность вызывает у него жуткое раздражение. Да, он признаёт силу других, но эти немногие особы должны сидеть в клетке, ключ от которой спрятан в его кармане. Вот и Берестов – такой же экспонат из зоопарка. Пока под надёжным запором, пусть самореализуется как хочет. Но если вырвется на волю – за ним нужен глаз да глаз.

Странное это явление – современный капитализм. Откуда берётся – не понятно. Кому что принадлежит – не понятно. Кто чем руководит – не понятно. В чьих интересах существует – тоже понять невозможно.

Таких, как Михаил Давыдович, поначалу все считали подставными лицами. Не могли, мол, юные кооперативщики весьма средних способностей нажить столько денег, чтобы держать в руках практически всю экономику страны. Но время идёт, вчерашние юнцы матереют, жиреют и наглеют: никакая власть им нипочём. Да уже и нельзя разобраться, кто теперь на самом деле власть. Не они ли сами, если так ловко тасуют кадры, как краплёную картонную колоду. То человек работает в Кремле, то в их конторе. А другой наоборот: ещё вчера был у них на побегушках, а сегодня вершит большую политику. Эти же кагэбешники, важно раздувающие щёки, похоже, нужны только для антуража и распугивания конкурентов. В общем, самая банальная «крыша», какие бы посты эти люди ни занимали.

Концовка вчерашнего разговора предполагала возобновление его по инициативе шефа. В таких случаях нужно сидеть и ждать, пока позовёт. Но всё же Александр, не любивший напряжённых ожиданий, выматывающих душу, решил позвонить первым:

– Михаил Давыдович, вы хотели продолжить наш вчерашний разговор. Когда могу рассчитывать на ваше внимание?

– Заходите в одиннадцать. Заодно и чайку попьём вместе.

У президента банка сложилась многолетняя привычка через час после начала рабочего дня прерываться на второй завтрак. Обычно в такие минуты он принимал лишь самых желанных посетителей.

Сигнал вроде бы неплохой. Но ведь так и сожрать может, под видом десерта, и чайком запить.

Оставшихся минут пятидесяти едва хватило на разборку почты, два неотложных звонка и беглый просмотр свежих газет. Особых сенсаций в мире не произошло, если не считать странных антироссийских выпадов грузинского президента Шеварднадзе. Не пускает нашу военную колонну на базу в Батум (в ней – одни легковушки с инспекторами) и несёт несусветную чушь по национальному радио. Создает видимость, будто «Старый Лис» испугался соседнего медведя. Действительно испугался или львов с кондорами на него науськивает? А может быть, всё дело в нефтепроводе из Баку в Турцию в обход России, через территорию Грузии?

Внешняя политика стала особенно интересовать Берестова. Любые её колебания в ту или иную сторону могли сорвать его планы.

Вот вам и глобализация на деле! Никуда не денешься: в мире теперь настолько всё взаимозависимо, что небольшая горстка бандитов может навредить любому делу одним своим появлением в неподходящий момент и в неподходящем месте. А сколотить и заслать по нужному адресу такую группу по силам не только спецслужбам, но и любому Михаилу Давыдовичу.

Президент банка встретил его нарочито любезно:

– Приветствую господина предводителя. Всё ли ладно в узде?

– О делах в уезде можно судить лишь по приезду, – скаламбурил Александр, намекая на желательную командировку в Ольгин.

– Мельчаете, господа помещики, мельчаете. Прежним хозяевам и из Парижа было хорошо видно, если какой сверчок не на свой шесток залетел.

– Из Европы всегда виднее. Вот мы скоро оттуда и посмотрим, – согласился Берестов, поставив ребром вопрос о поездке в Германию.

– Я изучил ваш список, – более серьёзным тоном продолжил Михаил Давыдович, давая понять, что разминка закончена. – Народец-то больно хиловатый: попы, старики, чиновники. Там что, деловых людей совсем нет?

– Совсем. Шинкари да мелкие торговцы. Местное отделение только у Сбербанка. Даже нотариус всего один на весь город.

– Один нотариус? – удивлённо переспросил шеф. – Да, батенька, при единственном стряпчем индекс активности можно считать близким к нулевому.

Банкир любил вставлять старинное словечко, смысл которого не всегда и знал. Но собеседник не стал его поправлять.

– Терру инкогнито открываем, Михаил Давыдович. Вы будете Колумбом, – попытался на удивление тривиально польстить начальнику Александр.

– Нет, Колумб это вы. А я Америго Веспуччи, – поправил тот с прозрачным намёком: сколько ни старайтесь, всё равно моим именем назовут, а не вашим.

– Согласен: народец мелковатый, но покладистый, – вернул разговор к главной теме Берестов. – За один день учредительные документы оформили. Такие любое решение подпишут. И ничего не попросят взамен. В отличие от шинкарей и торговцев. А для немецкого партнёра их нулевая, как вы изволили выразиться, активность – огромный плюс. Активных там побаиваются и недолюбливают. Активные под себя гребут. У активных карманы большие. А у этих они защиты, как на костюмах для покойников.

– Ладно, кого набрали – того набрали. В конце концов, это же не футбольная команда: бегать и голы забивать им не придётся. Правдолюбцев бы только среди них не оказалось.

– Вы имеете в виду любителей читать газету «Правда»? – снова сострил Александр и сделал первый глоток поостывшего чая.

– Нет, я имею в виду любителей писат ь в газету «Правда», – не остался в долгу его сотрапезник.

– Надеюсь, таких там нет.

– Надежда – дело хорошее. Но на первом месте должна стоять вера. Вера, надежда, любовь. Только в такой последовательности. Сперва надо быть уверен н ым в людях, а всё остальное – потом.

Беседа постепенно накалялась, а повышенный градус лучше сбивать всё тем же юмором:

– Дорогой Михаил Давыдович, вы мне напоминаете одну прихожанку, которая, услышав, как её товарки молятся перед иконой Спасителя: «Господи, сделай так, чтобы мой больше не пил», обращается к Всевышнему со словами: «Господи, сделай так, чтобы мой больше не ел», потому что у неё у единственной в деревне муж трезвенник. Что не будут пить – я вам гарантирую. Что к тому же не будут ещё и есть – обещать не берусь.

Шеф надолго призадумался:

– Допустим, Германия признает свою вину и решит оказать помощь жертвам оккупации. Обычно это выливается в ту или иную компенсацию. В самые обычные деньги. Их, как правило, выдают по согласованным заранее спискам. Роль банка здесь ничтожна: обслуживать выплаты. Роль общественности весьма значительна: следить за попаданием всей суммы в нужные руки. Вы же предлагаете принципиально новый подход: использовать выделенные средства на целевую программу – улучшение экологической обстановки в уезде, коль скоро главной жертвой стала природа тех мест, плюс решение некоторых социальных вопросов. Вот тут без надёжного банка не обойтись, поскольку речь идёт не о раздаче милостыни обывателям, а об организации производства, где общественный контроль – дело лишнее и вредное. В любом случае мы поведём газ во все дома, а не только дожившим до наших дней тыловикам. Ваш фонд веригами повиснет на проекте. К тому же чёрт знает сколько проест сам. Ведь каждый его член захочет покрасоваться на халяву: один концерт закатит, другой – молебен, третий – какую-нибудь научно-практическую конференцию на тему дружбы народов России и Германии. А это всё деньги.

Берестов решил не сдаваться:

– Вы видите только экономическую сторону. Но есть ещё и политическая. Если бы компенсации выдавались на руки, то как раз там никакая организация и не нужна. Здесь же получателем становится не конкретный человек, не загубленная судьба, а загубленная земля. Но земля-матушка – не субъект права, лицо не физическое и не юридическое, ей вы счёт в банке не откроете. От её имени кому-то надо выступать. Как малолетнему ребёнку, ей нужны опекуны. Кто? Честные, заслуженные, уважаемые её обитатели, объединённые в специальную некоммерческую организацию. Кстати, попечители, по закону, деньгами не распоряжаются и спустить на фуршеты-банкеты не смогут. Они лишь следят за целевым использованием средств.

– Это и плохо. В их обыденном – другому неоткуда и взяться – сознании с младых ногтей запечатлелась лишь евклидова геометрия. Лобачевского они не проходили и не знают. Для них понятие «целевое» значит: из точки А (правительство Германии) в точку В (их фонд) направляется решение о материальной помощи. Одновременно из точки С (немецкий банк) в точку D (российский банк) перечисляются деньги. Эти две линии параллельны, следовательно, маршрут С – D – прямой и единственный. Но экономика живёт не по Евклиду, а по Лобачевскому, и линий, параллельных оси А – В, придётся проводить очень много.

– И что предлагаете вы, Михаил Давыдович?

– Я предлагаю вам лететь в Берлин, вести переговоры, но не от имени существующего лишь на бумаге фонда, а от имени нашей финансово-промышленной группы. Мы берёмся освоить инвестиции и даже взять немецкую сторону в партнёры по строительству развлекательно-оздоровительного комплекса с полем для гольфа и экскурсиями в далёкое прошлое. Фактически мы всё сделаем за счёт наследников моральных долгов национал-социалистов. Наша доля – тот же кредит, который окупится сторицей. Объединив оба проекта, мы не потратим собственной копейки, но станем хозяевами пятидесяти одного процента, то есть контрольного пакета. Соответствующие письма я подготовлю и передам вам вместе с билетами в оба конца и суточными.

Александр понял, что спорить бесполезно. Да и не нужно. Он явно переигрывал соперника в этой партии: в лице фонда, хотя и существующего лишь на бумаге, у него всё равно было на фигуру больше.

– Хорошо, я согласен, – спокойно ответил он.

– Плохой ответ, господин предводитель. Мне бы хотелось услышать: «Вы меня убедили».

– Мне тоже хотелось бы услышать эти слова, но от вице-канцлера. А лавры *убедителя* я охотно уступлю вам. Нам важен результат не внутренних переговоров, а внешних.

– Вице-канцлер – полный профан в экономике. Поэтому всё будет зависеть только от вашей настойчивости.

– Вряд ли он принимает решения единолично.

– Профаны тем и хороши, что, в отличие от профессионалов, всё решают сами. Откровенно говоря, я не хотел поначалу поручать эту миссию вам. Но потом понял: для такого деятеля вы – идеальная фигура. Тоже в своём роде профан. И тоже публичный политик. Вам с ним будет легче договориться. Но не забывайте нашу генеральную линию. Все подробности и нюансы вам перед отлётом ещё подробней меня растолкует наш финансовый бог Юлий Семёнович.

Произнесение чьего-либо имени означало конец аудиенции. Теперь дальнейшие обсуждения полагалось вести с «финансовым богом».

Не успел Берестов вернуться в свой кабинет, как раздался телефонный звонок:

– Это Юлий Семёнович. Когда могу зайти к вам для выполнения поручения руководства?

Поскольку речь шла о кануне отъезда, Александр уверенно ответил:

– В четверг.

И добавил:

– После обеда.

Встреча с незванным гостем требовала особо тщательной подготовки, поэтому спешить не имело смысла.

Звонивший роптать не стал. Как и все «боги», он особым трудолюбием и служебным рвением не отличался и лишь снисходил время от времени к простым смертным, но делать это часто не стремился и сам инициативы никогда не проявлял.

Сразу после разговора с Юлием Семёновичем Берестов вызвал к себе Лену.

В тайну создания фонда «ЭкоСоц» были посвящены лишь она да Виктория. И ту и другую предстояло подробно проинструктировать на случай возможных происков внутри банка.

Многолетняя помощница всё поняла без лишних комментариев. Она вообще ничего не знает об ольгинском проекте. Занимается только землячеством, отыскивая на необъятных просторах России мало-мальски известных людей, имевших местные корни либо живших или какое-то время работавших в уездном городе.

Лена действительно вела такие поиски. Об одном случае, показавшемся ей вопиющим, не могла не рассказать во всех подробностях. В давние, ещё дореволюционные годы судьба на несколько лет забросила в Ольгин маленького мальчика Вадима, ставшего впоследствии писателем, лауреатом Государственной премии. След этого интересного человека, родившегося в канун первой русской революции, терялся в Москве, у самого порога двадцать первого века. Доподлинно было известно, что в конце 1999 года, в девяносто пять лет его избрали в высший творческий совет союза писателей, ареопаг старейших и мудрейших, куда входило десятка два-три самых-самых знаменитых мастеров литературного дела. Миновало ровно три года, существовала теоретическая возможность найти престарелого мэтра живым: ведь в девяносто восемь люди умирают значительно реже, чем в пятьдесят восемь. Но никто ничего о старике не знал, а с трудом добытый телефонный номер его квартиры в Протопоповском переулке тревожно молчал. Наконец один из секретарей правления союза, которого пришлось беспокоить Лене, также не ведавший о судьбе коллеги, годившегося ему в деды, посоветовал обратиться к некоей всезнающей даме из международного писательского сообщества.

– Помер! Давно помер! – с заставившей вздрогнуть от цинизма ноткой радости сообщила та. – Они все померли.

«Все» означало семью. Вот почему никто не отвечал на звонки по телефону.

Насколько давно скончался знаменитый ольгинчанин, бывшая кадровичка не помнила, но обещала выяснить через неделю.

У Лены возникло щемящее душу сомнение: а был ли в живых патриарх отечественной словесности, когда его избирали в высший творческий совет? Если человека с такими заслугами не удосужились почтить самым банальным некрологом, если не провели вечера его памяти, то где уверенность, что в список, розданный делегатам съезда, не включили покойника!

Эх, не оттого ли у нас такая литература и такое отношение к ней читателей, если сами творцы относятся друг к другу с холодной, ледяной формальностью, даже не интересуясь, не умер ли часом древний сосед за стенкой (жил ведь в ведомственном писательском доме)? Да что там лауреат Государственной премии, когда единственный на всю Россию лауреат Нобелевской собратьев по цеху настолько не волнует, что они не заметили и не оценили его последний жизненный подвиг: переезд с уютного, насиженного места в спокойной и сытой Америке на родную почву, в лес с внутренней стороны МКАД (и это на восьмом десятке)!

Строго-настрого засекретив тему фонда, Берестов не забыл предупредить Лену и о своей версии появления новой секретарши:

– А Викторию, Леночка, ты мне разыскала. И очень хорошо сделала. Тебе её бывший начальник рекомендовал, старинный твой приятель или однокашник. Или сосед по лестничной клетке. На твоё усмотрение.

– Сын школьной подружки, – мгновенно уточнила Лена, придав легенде бóльшую правдоподобность, поскольку реальный начальник был лет на двадцать младше.

Оставалось предупредить обо всём саму Викторию. Но делать это в рабочее время Александр не стал. По двум причинам. Главная: здесь нужна особая, поистине интимная обстановка. В том смысле, что никак нельзя допустить вторжения посторонних во время разговора. В банке и пяти минут полной отрешённости от внешнего мира не выкроишь.

Вторая причина – связь с Петей, дезавуированная лишь одной из сторон. Для Берестова по-прежнему оставалось загадкой: знает ли Вита, кто отец её ухажёра.

Отпустив Лену, Берестов позвал к себе секретаршу.

– Нам нужно серьёзно поговорить. Но не здесь. Предлагаю поужинать вместе в ресторане. Потом доставлю домой в целости и сохранности.

У девушки так и упало сердечко: конечно, она опять подумала о запрете встречаться с Петей.

– Я заеду за тобой в восемь. Распечатай мне с плана Москвы свой квартал и укажи стрелкой подъезд.

Виктория прикинула в уме: ужин займёт не меньше часа. Потом придётся возвращаться назад, и уже оттуда отправляться на свидание. Если её не увезут куда-нибудь далеко, то должна успеть. Впрочем, пора и самой показывать характер:

– Хорошо, но одно... (сказать: *условие* всё же в последний момент дрогнула) пожелание. Подобрать ресторан поближе к дому.

Александр и сам не собирался ехать в такое заведение, где бывают знакомые ему люди. Забегаловка на окраине его вполне устраивала. Отчего и не пойти навстречу:

– Конечно. Пойдём в первый попавшийся. Надеюсь: не отравят. И папарацци не набегут.

Намёк показался девушке подозрительным. Уж не собирается ли он отбросить своё джентльменство и сделать какую-нибудь глупость? Но мелькнувшие в сознании опасения она вслух высказывать не стала.

Остаток рабочего дня Берестов уделил самым разным делам, накопившимся за неделю из-за его полного, с головой, погружения в одну-единственную тему. Новая ситуация требовала особо тщательного радения к остальным банковским проектам. Он знал повадки начальства и прекрасно понимал: если захотят вырыть ему яму, то в самом неожиданном месте. Если не

просто яму, а могилу, то уж никак не на кладбище: эти люди закапывают тех, кто им мешает, в уголках укромных, неосвящённых и неосвещённых.

Петя, как и планировал, занятия в тот день прогулял. Такое с ним случалось нечасто, и всякий раз он употреблял высвободившееся время для самообразования, частично очищая тем самым душу от греха.

Грех-то, положим, невелик: серьёзных лекций в тот вторник не предвиделось. И он решил засесть за материалы по самой новейшей российской истории. С недавних пор его стала преследовать одна навязчивая идея: негоже историку отступать в стародавние времена и оставлять потомкам бесконечные вопросы об эпохе, в которую жил сам. Пока не ушли в мир иной участники и свидетели событий, пылливый исследователь не вправе упускать шанса окинуть взором происходящее с колокольни каждого из них. И если возникают какие-либо разночтения, не выбирать одну из разных точек зрения, а пытаться прояснить спорный вопрос в общении с реальными людьми.

Родился он январским днём тысяча девятьсот восемьдесят второго, когда вершину правящей советской пирамиды залихорадило так, будто основанием ей служил ствол тонкого дерева, а не прочнейший, испытанный десятилетиями железобетонный монолит. Загадочные смерти, перемещения и назначения, казалось, вывели страну из многолетней спячки. Завершился бурный год сменой лидера коммунистической партии. Вместо почившего Леонида Брежнева генсеком избрали Юрия Андропова. Но маленький Петя даже не успел толком научиться говорить, как не стало и Андропова. Появился какой-то Черненко, просидевший полвека в канцеляриях и не знавший никакой другой работы, кроме писания разных решений и постановлений. Черненко тоже не замедлил присоединиться к двоим предшественникам, не став дожидаться, когда Петенька Берестов выучит хотя бы две-три буквы. Зато очередного руководителя, Михаила Горбачёва, он запомнил хорошо. Собственно, тот и олицетворял для него образ истинного правителя: умного, скромного, справедливого. Впрочем, хороший историк должен научиться избегать всяких оценок. Конечно, следующий первочинник – прямая противоположность предыдущего. Но надо отринуть всякую брезгливость, подобно врачу, с равным усердием пользующему как образованного интеллигента, так подзаборного пьяницу, и судить о политике по делам его. Новый президент продержался ровно восемь лет, после чего ушёл на покой, оставив немало вопросов.

Итак, за двадцать лет жизни Петра Александровича Берестова страной правили шестеро. Редко кто из его сверстников в прежней России мог похвастаться, что жил при шести государях. Разве что родившийся в последние годы великого Петра и ухвативший к концу второго своего десятка начало царствования Елизаветы. Но одного из персонажей, оказавшихся в промежутке, грудного Ивана VI, едва ли можно считать за полноценного монарха. Хотя, что малый Иван Антонович, что старый Константин Устинович – оба ничего в государстве не решали.

И всё же нынешние времена казались много насыщенной политическими событиями, чем эпоха дворцовых переворотов. Не шибко долгое горбачёвское правление распадалось минимум на пять этапов. На первом преобладали старые социалистические тенденции, и по правую руку неизменно сидел угрюмый старик из Томска Егор Лигачёв. Тогда-то и велись эти две одиозные кампании: антиалкогольная и борьба с крупными доходами граждан. Собственно перестройка и гласность начались только в восемьдесят седьмом, с январского пленума ЦК. Это Петя установил почти документально и связал новый поворот с выдвижением на роль ближайшего сподвижника молодого генсека академика Александра Яковлева. Потом, с открытия первого Съезда народных депутатов, фактически сменился политический строй, и страна года полтора упивалась благами демократии. Затем начался её медленный распад. Склонный к ювелирной точности, юноша пытался установить отправную точку, событие-водораздел. То ли один из последних съездов, то ли референдум семнадцатого марта, то ли начало новоога-

рёвского процесса? Над решением этого вопроса он сейчас и бился. И уж безо всякого труда определялся временной диапазон пятого этапа: с девятнадцатого августа – путча гэкачепистов – до двадцать пятого декабря – ухода в отставку.

Восьмилетие Бориса Ельцина тоже нуждалось в детальной периодизации. До октября девяносто третьего в стране сохранялась демократия. Но дело даже не в ней: до расстрела Белого дома Россия жила по одной конституции, потом почти три месяца в полном правовом вакууме (на современном жаргоне – беспределе), и только с конца декабря – по другой. Но и последующие шесть лет не представлялись политически однородными: делились почти пополам на правление «партии соратников», как определял Петя группу Коржакова – Барсукова – Сосковца, и господство пресловутой Семьи, начиная с двадцатого июня девяносто шестого. И опять-таки: велик соблазн вычленить недолгое пребывание во главе правительства «чужаков» – Евгения Примакова и Сергея Степашина – в самостоятельный, пусть и смехотворно малый (меньше года) период.

Берестову-младшему казалось, что если не разобраться в тонких нюансах уже сегодня, то сделать это завтра может оказаться поздно. Причём рассматривать их надо именно с позиции беспристрастного историка, а не политолога или публициста.

Пока он внимательно штудировал первоисточники: документы, воспоминания самих участников событий, суждения аналитиков. Если говорить о далекоидущих планах, то ему хотелось стать первым автором н а и н о в е й ш е й истории России, как он сам определял свой труд. Исследователи постарше на такое не замахнутся: наглости не хватит, да и профессиональное предубеждение писать только о делах давно минувших дней не позволит им составить ему конкуренцию. Честолюбивые мечты рисовали в воображении международное признание и почему-то нобелевскую премию по литературе: получили же её Теодор Моммзен за историю Рима и Уинстон Чёрчилль за подробное описание перипетий Второй мировой войны. Конечно, произойдёт это лет через пятьдесят, когда все современные писатели вымрут, а новые, мало-мальски достойные встать в один ряд с Роменом Ролланом, Анатолем Франсом, Томасом Манном и Джоном Голсуорси, или хотя бы Солженицыным и Гарсиа Маркесом, больше не появятся. И придётся шведским академикам снова присматриваться к философам и историкам.

На сей раз он прогуливал институт ради кропотливого штудирования материалов последнего съезда КПСС. Ни современные книги, ни интернет не давали ему ответа на самые простые вопросы. Приходилось снова погружаться в библиотечный нафталин и выискивать в старых газетах и журналах – пока их не выкинули на помойку – следы того закулисного напряжения, которое царило на самом карнавальном коммунистическом форуме после Лондона.

Сразу бросилась в глаза одна деталь: многие либеральные интеллигенты, дистанцировавшиеся от партии в предыдущие годы, дружно пришли поддержать Горбачёва и не только не швырнули на пол свой партбилет, но и согласились войти в обновлённый состав центрального комитета. Например, драматург Александр Гельман, журналист Отто Лацис. Почему же их неформальный вождь Борис Ельцин позволил себе дешёвый театральный жест, картинно выйдя из партии в прямом смысле этого слова? Естественно, работал на свой имидж, на собственную карьеру. Значит, она была ему важнее той хитроумной борьбы, которую Михаил Горбачёв продолжал вести против кондовых коммунистов, в сущности, ретроградов и реакционеров. Потом они позорно проколются в августе девяносто первого, но пока с ними приходилось сражаться как с влиятельной силой. А Ельцин практически открыл второй фронт. Пока интеллектуальный цвет общества поддерживал одну политическую линию, он упрямо гнул другую. Уж не тогда ли возникли за его спиной эти две беспринципные своры, затеявшие впоследствии схватку под кремлёвским ковром в канун второго тура президентских выборов девяносто шестого года? Историк не географ. Географу для описания Волги достаточно про-

следить её течение от маленького ручейка на Валдайской возвышенности до впадения в Каспийское море. Историк бы полез изучать весь бассейн, все притоки, потому что они тоже Волга.

Увлечённый работой, он совсем забыл и о Виктории, и о Нине; и о первом свидании, и о втором. Когда посмотрел на часы и вспомнил о вечерних планах, схватился за голову: быть ему сегодня без обеда. Времени едва хватало, чтобы, пробираясь через неизбежные пробки, успеть к шести в Марьино.

Виктория перед уходом с работы дала шефу распечатку плана города и пояснила на словах, где ему удобней будет припарковаться.

Оставалось два часа до решения очередной загадки. Она приехала домой, забралась в горячую ванну и серьёзно призадумалась.

Из Ольгина московская жизнь рисовалась ей как горное восхождение. Нужно постепенно, высматривая ровные широкие площадки для передышки, карабкаться вверх. Первая остановка – квартира тёти Таси, потому что отдавать половину будущего заработка за жильё она категорически не хотела. Удалось. Прочно встала обеими ногами. Следующий рывок – работа. Но не таскание кирпичей, от которого опустится матка, не сидение в холодной палатке на рынке, от которого воспалятся придатки, не стояние у ткацкого станка, от которого ноги отекут и превратятся в толстые колоды, а здоровая, физически не тяжёлая служба. Важно и другое не менее существенное требование: быть на виду у потенциальных женихов, потому что на стройке – одни приезжие и забулдыги, на рынке – покупатели-пенсионеры, а на ткацкой фабрике вообще женский коллектив.

Зацепилась и тут. Быть секретарём (слово *секретарша* казалось ей исторически неверным) любого начальника для приезжей девчонки престижно и перспективно. Да и фирма подходящая, где одни добры молодцы спуют.

И неожиданно – ещё один головокружительный взлёт. Тут уж не сама исхитрилась, а протянули ей сверху надёжную верёвку и вытащили на заоблачную высоту, под самые небеса. Вот здесь-то и надо закрепляться. Всеми силами и средствами.

Вдруг откуда ни возьмись – Петя. Прямого отношения к месту службы не имеющий. Вывод напрашивается сам собой: для достижения главной цели ползти вверх совсем не обязательно. Умный в гору не пойдёт. Умный рыщет на равнине.

Оказывается, свою судьбу случается встретить и на улице. Не буквально на тротуаре, а в каком-нибудь людном месте, в свободное от работы время. С таким же успехом можно записаться в библиотеку и стрелять глазами по сторонам из-за свежего журнала.

Но в том-то всё и дело, что специальной охоты на парней Виктория не затевала. Она собиралась честно жить и работать в надежде, что добродетель будет обязательно вознаграждена. И вот судьба даёт ей первый шанс. Как же на поверку мало у неё собственных достоинств, чтобы его не упустить!

Из головы не выходила увиденная вчера соперница, с которой по внешним данным у них боевая ничья. Возможно, и поверженная, но имеющая одно важное преимущество: она человек его круга. Дело тут не в постоянной московской регистрации (её отсутствие, конечно же, порождало у девушки комплекс неполноценности). Та девица учится с ним в университете, свободно входит туда, куда самой Виктории путь заказан. Поэтому ревность к ней долго ещё не пройдёт, даже если к тому и не будет особых поводов.

Она старалась трезво оценить своё положение. Быстро вспыхивающий любовный костёр может так же быстро и погаснуть, если не подбрасывать в него свежих дров. Учёба – вот её спасительная, долговременная вязанка. Нужно немедленно поступать учиться. Тогда их объединят не только африканские страсти, не только единство телесное, но и общие интересы. Конечно, выбирать нужно его специальность. Пусть другой вуз, но обязательно исторический факультет. Она же любит историю. И романы предпочитает читать исторические. Недавно

закончила «Императорского безумца» Яана Кросса. Там тоже знатный дворянин полюбил простую крестьянку. И очень мудро сделал, потому что жизнь у него сложилась очень непросто: долго сидел в Шлиссельбургской крепости, лишился имения, был объявлен сумасшедшим. Без верной и практичной жены не перенёс бы таких мучений и лишений. А начал с того, что ещё до свадьбы определил невесту на пять лет в хорошую семью и наказал обучать её языкам и прочим вещам, составлявшим в те годы содержание своеобразного высшего женского образования. Сегодня не пушкинские времена, домашних занятий уже мало: нужен институтский диплом.

И Александру Петровичу, когда он заикнётся об их отношениях с сыном, она твёрдо заявит: хочу учиться. Поэтому ниточки с Петей не разорву. И самому Пете сегодня же скажет о своих планах. Попросит помочь готовиться к экзаменам. Не может же он отказать в этом!

А там – будет видно. Среди студентов она не затеряется, не пропадёт, даже если любимый её и бросит.

Вот только жить на что? Стипендии и на еду не хватит, не говоря уж об остальном. Конечно, родители помогут, хотя едва ли одобряют. Но придётся подрабатывать самой. И не в ущерб учёбе. Где бы такую работу найти? У Александра Петровича просить содействия неудобно: ей же после дезертирства не удастся оправдать его ожиданий.

Девушке вдруг стало так хорошо, что она уже не очень боялась предстоящего ужина. Как все счастливые, Виктория часов не наблюдала и выскочила из ванной в самый последний момент, когда до приезда Берестова оставалось меньше получаса. А ведь надо было ещё готовиться к двойному свиданию: сначала с отцом, потом с сыном.

Уже по внешнему виду приближавшейся к его автомобилю Нины Петя понял, что та едет к нему на дачу с самыми серьёзными намерениями: куртка, хотя и доставала только до колен, полностью прикрывала символических размеров юбку, а грудь под плотно облегающим тело свитером колыхалась подозрительно свободно.

По дороге они болтали об общих институтских знакомых, о перспективах дальнейшей работы и даже о погоде: синоптики пообещали по радио к утру значительное похолодание. Доехали за двадцать пять минут.

– Ну и домище! – невольно вырвалось у девушки, когда они вышли из машины. Разумеется, снова пришлось устроить экскурсию по всем этажам, которая завершилась в большой каминной. Хозяин дачи извлёк из старинного комода комнатную рулетку и спросил:

– На что играем?

– Пусть решает казино, – уклончиво и обнадёживающе ответила гостья.

– Казино играет на желанья. Правила обычные: посетитель, выигравший цвет или чёт-нечет, получает право на исполнение одного желанья. Угадавший каре имеет право на девять желаний, число – на тридцать шесть, а зеро – на тридцать семь. Проигравший должен удовлетворить такое же количество желаний самого казино.

Играла одна Нина. Петя представлял интересы заведения и одновременно работал крупье.

Девушка поставила на красный цвет и тут же угадала.

– Хочу что-нибудь выпить.

– Мартини? Джин с тоником? Коньяк?

– Коньяк.

Петя достал из бара две узкие хрустальные рюмочки и слегка початую бутылку. Наполнил до краёв рюмки, тут же опустошённые обоими.

Нина повторила ставку. И опять ей повезло.

– Желая закусить шоколадом.

– Молочным? Чёрным? Белым? Горьким?

– Чёрным.

И это было незамедлительно исполнено.

На третий раз фортуна от игрока отвернулась.

– Желание заведения, чтобы вы, мадемуазель, сняли юбку. Она вам явно не идёт.

– Ну и вкусы у этого казино, – фыркнула Нина и одним движением, не вставая со стула, избавилась от своей набедренной повязки, державшейся на молнии сбоку.

Следующий кон снова остался за ней.

– А я хочу, чтобы вы, месье, сняли свитер.

Только Петя начал охватывать себя с боков крест-накрест, как услышал:

– Да не с себя. С меня.

Дальнейшая игра велась уже на полу, без шарика и ставок. Каждый по очереди называл своё желание, а другой его в точности выполнял.

В какой-то момент игроки переместились в ванную, под душ. Потом продолжили на первом попавшемся диване.

Часа через два все желания иссякли. Ни одно не осталось без ответа.

– Классно поиграли, – подвела итог Нина.

– Да, – согласился Петя. – Теперь пора и поужинать.

Он чуть было не оговорился: *пообедать*, что для человека, не евшего с утра, звучало бы вполне извинительно.

Гостыя палец о палец не ударила, чтобы помочь разогреть еду и накрыть на стол. Оставшись на кухне наедине с самим собой, не то крупье, не то дворецкий не мог избавиться от странного чувства брезгливости, невольно охватившего его. Всё, ими сейчас сотворённое, повторяло точь-в-точь недавние занятия с Викой. Но там билась живая жизнь, а здесь велась игра. Она закончилась, и сразу на душе сделалось ужасно противно, словно исполнялись не его желания, а сам он стал игрушкой в чужих руках и проделывал какие-то ненужные ему гимнастические упражнения, да и то из обязательной, а не произвольной программы.

За ужином он хотел набраться наглости и спросить, как часто его сотрапезница устраивает подобные свидания и с кем. Но она неожиданно перевела разговор на вчерашнюю книгу. Оказывается, за ночь уже успела надёргать из неё кучу цитат и теперь пыталась понять, стоит ли продолжать читать дальше.

– У меня их двенадцать, из разных глав. Как ты думаешь, хватит?

– Если к месту, то хватит.

– Конечно, к месту. Я от цитат как от печки танцую. У меня они всегда к месту.

Петя презирал людей, не имеющих собственных мыслей и паразитирующих на услышанных от других или вычитанных в книгах суждениях. Хотя и понимал: большинство живёт именно так. Повторят за кем-нибудь и от себя прокомментируют. А комментарий – ломаный грош цена. Конечно, студентке-третьекурснице такое простительно. Зачем ей эта история? И вправду, зачем?

– Скажи, пожалуйста, ты для чего учишься?

– Странный вопрос, – сразу нахмурилась Нина. – Чтобы диплом получить.

– А диплом зачем?

– Чтобы не работать всю жизнь дворником или уборщицей.

– И кем бы ты хотела стать?

– Думаю, преподавать.

– В школе?

– Да хоть бы и там. Но лучше – в каком-нибудь институте. Частном. Где больше платят.

Быть студентом, потом превратиться в преподавателя, учить других студентов, которые тоже потом станут за кафедру... Какая-то дурная бесконечность! Что толку от всего этого для человечества! Впрочем, много ли настоящих историков нужно обществу? За последние двести

лет даже он не вспомнит и ста имён. Вот и получается: сплошное самовоспроизводство учителей, а выход в науку – редкий и единичный.

Та быстрота, с которой Нина переключилась на другую тему и забыла их интимные игры, не удивляла Петю. Перед ним сидела человек-машина, то заведённая на учёбу, то на секс, то на что-нибудь ещё. Вчера она настроилась изучать монографию по истории, поэтому даже лёгкое прикосновение мужской руки встречала в штыки: противоположный пол её в тот момент никак не волновал. Сегодня она решила оттянуться с парнем, вот и приехала в коротенькой юбчонке и свитере на голое тело. Не для пушного эротического возбуждения, а из соображений сугубо рациональных: зачем долго раздеваться. Если завтра пригласить её в театр, а потом попытаться поцеловать, она увернётся, не поймёт: в программе же «культпоход», а не любовное свидание.

Да, с такими можно только в с т р е ч а т ь с я. Но не больше. И не часто.

Как всё-таки хорошо, что он договорился повидаться с Викой! Вот только туалетной воды надо вылить на себя побольше, чтобы совсем отбить запах этой любительницы постельных игр.

Выехали с дачи они точно по Петиному графику. Желаний продолжить гимнастические упражнения у него не возникло.

Звонок Берестова застал Викторию за маникюром. Заставлять человека ждать нехорошо, а собственного начальника – тем более, но придётся: не являться же в ресторан с семью ногтями одного цвета, а тремя – другого.

– Александр Петрович, извините ради бога, я минуток на пять задержусь.

«Господи, какая непосредственность!» – невольно мелькнуло у Александра. Другая бы опоздала и даже виду не подала, что чем-то виновата.

Они выбрали ресторан, запомнившийся Берестову ещё с советских времён. Конечно, хозяева его сменились, возможно, не раз, но даже стороннику рыночной экономики приятнее переступить порог старого и проверенного заведения, чем возникшего недавно. «Наверное, этим консерватор и отличается от либерала», – подумал про себя Александр. Консерватору не всё равно, кто и как вершит свой бизнес. Для консерватора предпринимательство – лишь одно из общественно-полезных занятий. Для сегодняшнего либерала это фетиш. Им лишь бы все первые этажи московских домов заняли магазины и рестораны, вытесняя детские кружки и места стариковских посиделок. Либералу нет ничего ненавистнее не торгующего и не покупающего народа. Рынок он понимает буквально: одни должны стоять за прилавком, другие – перед ним. И никакой художественной самодеятельности или курсов кройки и шитья.

Разговор он начал с дела, без обиняков. Едва Виктория слышала первую фразу, от сердца у неё мгновенно отлегло. Речь зашла об ольгинском, точнее, троицком проекте. С кем можно его обсуждать, а с кем нельзя. О чём лучше молчать совсем. Чем больше девушка вникала в слова начальника, тем грустнее становилась. Оказывается, на ней держится чуть ли не всё задуманное, грандиозный план помощи землякам, а она задумала уходить с работы и поступать учиться.

– Мы с тобой должны сделать благородное дело. Сегодня это в диковинку: ни у кого не доходят руки до простых людей. Весь технический прогресс народ оплачивает из своего кармана. Поэтому в домах компьютеры, в карманах сотовые телефоны, а на кухнях – буржуйки, и туалет холодный во дворе. Гоним газ за границу, но не можем сделать отводы для населения тех городов и сёл, мимо которых идёт труба. Не позор ли в двадцать первом веке печки топить! Даже проклятые большевики, не успев толком закрепиться у власти, план ГОЭЛРО приняли – электрификации всей страны. Прошло восемьдесят лет, и ничего нового не сделано. Ни полной газификации, ни полной телефонизации, ни даже канализации. Деревни до сих пор без водопровода живут. Бабки девяностолетние с ведрами на речку ходят, иногда за километр от дома. И всем плевать. И старым властям было плевать, и новым плевать. Эти самозванные капиталисты уже второй десяток лет страной управляют, а о людях так и не подумали. Куда

там! Только о собственной мощи заботятся. К дачам своим все блага цивилизации подводят, даже оптико-волоконные кабели, а соседним посёлкам – шиш.

Ужин превращался в занудную политинформацию. Но Викторию это только радовало: лишь бы про них с Петей не заговорил. Однако надеждам её не суждено было сбыться. Перед самым десертом пошли расспросы о жизни, о квартирных условиях, о развлечениях. И вдруг – прямо в лоб:

– А ты кавалеру своему сказала, где работаешь?

Опешившая девушка лишь покачала в ответ головой: нет, мол.

– Зачем же скрывать? Оба можете попасть в глупое положение. Когда у вас следующее свидание?

– Сегодня, – не в силах утаивать правду, упавшим голосом призналась Вита.

– Да уж вроде бы поздновато. Где и во сколько он тебе назначил?

– В половине одиннадцатого. В Марьине.

Берестов ненадолго призадумался. Потом достаточно жёстко сказал:

– Мне кажется, это не тот случай, когда место встречи изменить нельзя. Давай позовём его сюда. А я тихонечко уйду.

Настала очередь взять паузу Викторией. Из интонации начальника, а она уже научилась её читать, было ясно, что никакого подвоха здесь нет, и ни нотаций, ни увещаний, ни прочих опасных для неё разговоров втроём не последует. Атмосферу ресторанный зал наполняли уют и спокойствие, уходить, чтобы потом ехать на метро, не хотелось.

– Хорошо, – согласилась она. – Кто из нас ему позвонит?

– Конечно же, ты, – мгновенно отреагировал Александр Петрович. – Я ненадолго отлучусь, а вы пока поговорите.

Чтобы не смущать девушку, он сделал вид, будто ему нужно в туалет. Впрочем, такой визит действительно оказался нелишним.

В последние дни Берестов стал постоянно задумываться над проблемой продолжения своего рода и поймал себя на мысли, что ему небезразлично, с чьей помощью это произойдёт. Иными словами, выбор сыном матери будущего внука касался косвенно и его. Даже не косвенно – прямо: ведь старший в роду сегодня он. Наспех брошенное семя плод, безусловно, даст. Но человек не дерево. Садовод-селекционер может умирать спокойно после первого урожая, зная, что о вывел, а старейшине хорошей фамилии мало дожидаться потомства: ему надо ещё сформировать личность наследника, привить тому чувство сопричастности предкам. Как сделать это сегодня, когда влияние матери огромно, а браки часто распадаются, ещё чаще – не заключаются вовсе? Значит, очередной Сашенька Берестов может быть либо выношен в недостойном чреве, либо, из-за капризов, обид и ссор родителей, вовсе не оказаться в своей семье. Да и где гарантия, что какая-нибудь фифа не настоит на другом имени для ребёнка? И будет мальчик не Александром, а каким-нибудь Стасиком, хотя такого святого у православных нет, и будут пестовать его другие дед и бабка, и он даже понятия не получит о роде, продолжателем которого останется при любом развитии событий. Вот и разорвётся цепь времён. Разве это не трагедия! А как её избежать? В прежние времена детей сватали и женили родители. И то случались промахи. Сейчас же папу с мамой ставят перед свершившимся фактом. Иногда объявляют *post factum* и такое: между прочим, ты уже дед.

Александр чувствовал с первой минуты знакомства, что Виктория послана ему свыше. Но в то же время понимал: не как объект вожеланий, не как преемница Маши, не как повод для развода с Катей. Лишь сейчас до него стал доходить смысл её предназначения в его жизни. Неспроста же стоящая над нами сила, столкнув их вместе, тут же свела её и с сыном.

Он вернулся к столику. Вита встретила его слегка игривым и несколько интригующим сообщением:

– Петя обещал приехать в начале одиннадцатого. Но про вас я ему ничего не сказала. Пусть это станет для него сюрпризом.

– Сюрпризом? Ты хочешь, чтобы мы с ним столкнулись? А я рассчитывал оставить вас наедине.

– Вам всё равно придётся столкнуться: не бросите же вы меня одну?

Об этом он и не подумал. Уйти заранее, не ставя девушку в двусмысленное положение, невозможно. Значит, надо дожидаться сына. И как-то объясняться с ним. Впрочем, оно и к лучшему.

– Хорошо. Посидим немного втроём, а потом я поеду. Договорились?

– Договорились.

Петя получил приглашение в ресторан по дороге с дачи. Поначалу звонок его смутил: рядом сидит Нина, не настолько же она глупа, чтобы не понять, кто звонит и о чём идёт речь. Но тут же успокоил себя очевидной истиной: особы типа его спутницы, срывающие цветы удовольствия с разных клумб без разбору, обычно не ревнуют. Они пользуются свободой нравов сами и другим не мешают. Цветов нынче много, хватит на всех.

И действительно, не успел он отключиться, как Нина равнодушно спросила:

– Твоя девчонка?

– Угу, – пробурчал Петя.

– Ну, ты даёшь, многостаночник! Неужели поедешь к ней?

– Поеду, – не стал скрывать плотоядных намерений вошедший во вкус новоявленный донжуан.

– Как говорят в таких случаях наши девчонки: ладно, чай не обмылится, – повторила Нина расхожую пошлость.

Петя не очень понял, как к нему может относиться это творение позднего фольклора, если он не связан никакими обязательствами ни с одной из партнёрш, особенно с говорящей. Вот уж она точно останется для него одноразовым объектом запланированного эксперимента.

Прощаясь, они ни малейшим образом не намекнули на возможность нового свидания. Молодого человека даже посетила обидная мысль: уж не рассчитались ли с ним таким образом за дёшево доставшуюся книгу.

Охваченный раздумьями о Нине, он так и не придал значения смыслу Викиного звонка. Но она снова становилась для него самой желанной, поэтому по её зову он отправился бы куда угодно. Лишь когда дачная визитёрша высадилась из машины, в голове стали прокручиваться разные варианты, вызвавшие неожиданное приглашение. Возможно, из-за позднего часа девушка решила перенести встречу поближе к дому. Возможно, она испугалась ехать одна в незнакомое ей Марьино. Возможно, решила на сей раз сама его угостить.

Паркуясь у ресторана, он набрал её номер:

– Выходи встречать, хозяйюшка сих палат.

Каково же было его удивление, если не сказать – испуг, когда вместо Виктории на пороге заведения он увидел собственного отца. Хотел даже шмыгнуть назад, но тот громко окрикнул, отрезая все пути к отступлению.

– Барышня твоя в полной целостности и сохранности. Сидит за последним столиком у окна. Я уже всё заказал и оплатил. Приятного вам аппетита! И помни: с утра она нужна мне в самом лучшем виде, поэтому отвези её домой пораньше.

С этими словами Александр Петрович отправился к своему автомобилю, не дожидаясь ответной реакции сына, который долго провожал его ничего не понимающим взглядом.

Убедившись, что родитель отъехал на почтительное расстояние, Петя чуть ли не бегом ворвался в зал, сразу же отыскал взором Вику, быстрым шагом подошёл к ней и с ходу выпалил:

– Я сейчас встретил при входе отца. Объясни, что это всё означает?

– Это означает старую как мир истину, – нараспев ответила Виктория, пожирая Петю любящими глазами: – даже очень умные мальчики бывают иногда круглыми дурачками.

Поначалу он хотел дождаться сына, немного посидеть с ними втроём и произнести на прощание какую-нибудь выпененную фразу типа: «Дети, я вас благословляю!»

Но Петя позвонил из машины при подъезде к ресторану, и необходимость в исполнении роли сторожа при Виктории отпала. Тогда Берестов понял: ему надо встать и уйти. Он здесь явно лишний. Говорить назидательную речь – смешно и бессмысленно: новое поколение пафоса не ценит и не любит. Да и вряд ли он сможет произнести эти слова недрогнувшим голосом: отдавая сыну Виту, он дарит не куклу, не наскучившую игрушку, а очень дорогого ему человека. Девушка до сих пор вызывает у него греховное желание, и ему ещё предстоит перебороть в себе это чувство.

Почему-то вспомнились последние строки первой половины «Саги о Форсайтах». Трагедию Сомса Джон Голсуорси описал гениальной фразой, навсегда отложившейся в памяти:

«Сколько бы он ни желал, сколько бы к ней ни тянулся, – не будет он ею владеть, красотой и любовью мира!»¹

¹ Перевод Надежды Вольпин.

Глава одиннадцатая

Известие, сообщённое в ресторане, мало обрадовало Петю. Он уж было собрался сделать Викторию своей постоянной партнёршей по приятному времяпрепровождению, не отказываясь, однако, от первоначальной идеи «восхождения на пирамиду». История с Ниной показала: добиться успеха у женщины нетрудно, но не со всякой захочется этот успех развивать. А донжуанские навыки надо поддерживать и совершенствовать. И вообще держать порох сухим. Но саморазоблачение Вики его сильно озадачило. Он не верил в чудесные совпадения. Нет, ему и в голову не приходило подозревать ни девушку, ни отца в игре, интриге или обмане. Он был абсолютно уверен: переплетение судеб – козни Провидения, и кожей чувствовал, что вершатся они неспроста, таят в себе очень опасный заряд и могут привести как к большому счастью, так и к немалому горю. Ещё одна рулетка, на сей раз не то с Богом, не то с чёртом. Рисковать ему никак не хотелось.

Поразмыслив, Петя принял решение не только продолжить карабкаться на пирамиду, но и параллельно с этим подыскать ещё одну подружку, непритязательную и восторженную, как Вика, но без того существенного недостатка, который обнаружился у неё сегодня. Если эксперимент пройдёт успешно, и он почувствует в новых объятиях чувственный эквивалент прежним ощущениям, то безболезненно заменит нынешнюю girl-friend на другую. Моральная сторона его не занимала: ведь всё делается для здоровья, поддержания потенции и подготовки к важному шагу в жизни – женитьбе, а его нельзя делать на непроторённой дороге.

В тот вечер он так и не решился на смелое продолжение свидания. До полуночи посидели в ресторане, а потом он отвёз Викторию домой. До отъезда в Ольгин, более раннего, чем обычно, у неё оставался всего один вечер, и она сама напомнила о традиционных лесных прогулках. Нельзя ли в этот раз перенести с четверга на среду? Петя подумал и согласился: сегодняшнее дачное приключение нужно как можно скорее затмить фейерверком удовольствий. За неимением новой партнёрши – со старой.

На следующий день он снова вышел на «альпинистскую трассу». На филологическом факультете училась дочь одного члена Совета Федерации. Три года назад они познакомились в театре, куда оба пришли с семьями. Их ложи располагались по-соседству, и в антракте юному кавалеру досталось развлекать барышню в общей комнате отдыха, поскольку отцы углубились в свои политические разговоры (её родитель тогда был на другой работе, кажется, заместителем министра), а матери, также оказавшиеся коллегами, принялись бурно обсуждать общевузовские проблемы. Алиса показалась ему вполне бойкой и интересной собеседницей, к тому же заядлой театралкой. Больше в тот вечер говорила она. Семнадцатилетний Петя не считал себя тогда достаточно искушённым в амурных делах, но интуитивно ощутил какие-то особые флюиды, исходившие от девушки. Вскоре после этого они два раза случайно столкнулись в университете. Это тогда ему показалось, что случайно. Сейчас бы он не поручился за Алису: вполне могла и подстроить. У них на филфаке парней – кот наплакал, а из семей, достойных её внимания, возможно, вообще никого. Но на первом курсе юноша о серьёзных романах не задумывался. Случайные встречи повторялись и позже, но всё с большей периодичностью, что позволяло считать их действительно непреднамеренными. Последний раз они столкнулись уже в новом учебном году. Мило поболтали. Вот тут-то Петя и узнал о назначении её папаши, коренного москвича, представителем какого-то захолустья в верхней палате парламента. Про неудачу на выборах своего отца рассказывать не стал, да она наверняка знала об этом из разговоров дома или газет, если вообще девчонок-филологинь интересуют такие вещи.

Для взятия очередной ступеньки на очерченной Петиним воображением пирамиде Алиса вполне подходила. Раз так, то пора произойти новой «случайной» встрече.

Подкараулил он девушку на выходе из учебного корпуса. Она шла не спеша, явно в сторону дома, без всякого сопровождения.

– Привет, ты к метро?

Вопрос он поставил рискованно. Отрицательный ответ шансов на продолжение общения не давал. Но, слава Богу, прозвучал положительный.

– Тогда нам по пути, – радостно отреагировал Петя, отметив про себя полное сходство его непродуманного шага со ставкой на чёт-нечет в рулетке.

Эта барышня не спешила завести разговор первой, и инициативу ему пришлось взять на себя:

– Чего новенького в театре?

Вопрос оживил собеседницу. Видимо, сценическое искусство оставалось её главной слабостью.

– «Чикаго» в эстраде на Берсеневской. В пятницу премьера. Ты ещё не взял билет?

– Нет.

– И я тоже. Но, похоже, уже поздно.

В Петиную голову мгновенно родился отличный план:

– Вот и пошли вместе. Билеты беру на себя.

– Заманчивое предложение! – ещё больше повеселела Алиса.

«Знала бы ты, насколько з а м а н ч и в о е», – подумал про себя Петя.

– Диктуй телефончик. Как возьму билеты – сразу позвоню.

Алиса назвала номер своего сотового. Семизначный. Как и у него. Сразу видно, попал на свою.

Расстались они у входа в метро. Она отправилась вниз, на поезд, а он побрёл к стоянке, где оставил машину. Предлагать подвезти её молодой человек не стал, потому что торопился перехватить Викторину по дороге с работы. На сей раз она решила отправиться на лесную прогулку, не заезжая домой, чтобы застать на природе светлую часть дня.

Заказ родителю был продиктован прямо со стоянки. И тут же возникла небольшая тревога: вдруг Вика узнает о его планах. Отец не сам же будет набирать телефон театра. Разговор вполне может достичь слуха секретарши, а догадаться, кому нужны билеты на молодёжный мюзикл, нетрудно.

Да, чертовски неудобно иметь в качестве подружки глаза и уши собственного папочки!

Уже через час, когда они встретились на Садовом кольце, Петя осторожно спросил:

– Слышала, как мы с папой по сотовому разговаривали?

– Нет, – уверенно ответила девушка, сняв все подозрения. – Мне даже мелодии его мобильного в приёмной не слышно.

В лес они не пошли, хотя и успели на дачу в прекрасную предсумеречную пору, когда осенняя палитра переливается всеми оттенками природной желтизны: от ярко-шафранового до бледно-лимонного.

Снова начали с бассейна. Но задержались там очень надолго, до самого отъезда. Ужин устроили чисто символический и не торжественный – с салфетками, бокалами и свечами, – а простой семейный, поглощая наспех нарубленную в салат всякую всячину, обильно залитую майонезом, прямо из общей миски и запивая это крошево чаем в пакетиках, брошенных не в чашки из фарфорового сервиза, а в большие походные кружки. Да и варенье таскали из одной банки, пренебрегая розетками, а хлеб отламывали от батона, забыв о ноже.

Первый раз за эти дни Петя почувствовал, что ему будет не так-то легко оторваться от славной девчушки, которую он знает всего неделю. И не потому, что она устроена как-нибудь по-особенному, не потому, что она старательно и точно отвечает на все его желания, а потому, что она его любит.

Любовь он ощущал во всём: во взгляде, в тайных поглаживаниях его вихра на макушке, поцелуйчиках украдкой в самые разные места, в особом дыхании при сближении их губ, в жалостливым стоне удовольствия.

Но, возможно, такое же отыщется и в другой? Пока он мог сравнивать её лишь с Ниной, для которой занятия любовью представлялись лишь экзотическим видом спорта. Рассчитывать на человеческое тепло с ней так же бессмысленно, как надеяться на медленное интимное топтание на дискотеке с какой-нибудь чемпионкой по бальным танцам, привыкшей работать на публику, высоко задирать ноги и выклянчивать благосклонность судей.

Вот почему срочно нужно расширить диапазон. Иначе можно принять за любовь самое банальное поведение любой самки с не противным ей самцом.

Вика исчезала до вторника. За пять суток предстояло, с однодневным перерывом на операцию «Пирамида», найти самую обычную девицу и протестировать с ней свои ощущения.

Но как это сделать? Где отыскать партнёршу?

Прадеды ходили в таких случаях в бордель, деды – в ресторан, отцы – на танцы. Информационный век вооружил новое поколение современным мощным оружием – интернетом. Там можно встретить всё что пожелаешь. Нужно лишь уметь ловить с помощью сети золотых рыбок.

Петя решил заняться этим прямо завтра. Не шататься же ему по дискотекам и кабакам! Лучшие девочки, прежде чем провести ночь с парнем, проводят её с компьютером.

Александр мгновенно исполнил просьбу сына в полной уверенности, что тот собирается в театр с Викторией. Об отъезде девушки на выходные к родителям у него напрочь вылетело из головы.

Но очень скоро юный ловелас был разоблачён в очередной раз.

На приём в немецкое посольство отец Алисы явился не с супругой, уехавшей на какую-то научную конференцию, а с дочерью. Та мило пококотничала с Берестовыми, послала привет Пете и походя выдала их театральные планы.

Катя пришла в неопишуемый восторг. В Алисе и три года назад угадывался прелестный бутон. Но вот он распустился и оказался очаровательным цветком: красивым его не назовёшь, но простота, ангельский голосок, общительность и миловидность, соединившись, вызвали естественную симпатию у любой потенциальной свекрови, если она не законченная стерва. В девушке полностью отсутствовала надменность, в её заурядной (но не без шарма) внешности угадывалась будущая добропорядочная мать семейства.

В Катином воображении тут же обрисовались радужные перспективы. Она сразу вспомнила недавнюю посетительницу и мгновенно составила свою версию мужской диалектики сына: та простенькая аппетитненькая девица разбудила в нём чувственность, возможно, даже удовлетворила её, открыв все шлюзы, и хлынувший, долго сдерживавшийся поток устремился в русло, назначенное ему судьбой. Сейчас он пытался увлечь за собой это милое создание. И чудесно! Такое развитие событий надо всячески приветствовать и во всём ему способствовать.

Мужчины тем временем обменивались впечатлениями о главной политической новости дня. Оказывается, президент, клявшийся быть арбитром во всех спорах, беспардонно вмешался в свежий красноярский конфликт и назначил исполнять обязанности губернатора одного из двух оспаривающих результаты выборов претендентов.

Отец Алисы, убеждённый либерал, возмущался указом:

– Конечно, нам Хлопонин по духу ближе, чем Усс. Но, как говорится, Платон мне друг, а истина дороже. Разве можно настолько не уважать законы? Боюсь, это только начало. Скоро вообще никаких выборов не будет.

– Честно говоря, я бы тоже предложил отказаться от всеобщего голосования, – возразил ему Берестов. – Губернатор – это хозяйственник, менеджер, и не обывателям решать, кому

на этой должности работать: они ведь выбирают по цвету глаз, басовитому голосу, пышной шевелюре и ещё чёрт знает по каким признакам. По мне, пусть назначает глава государства. Но по представлению региональных парламентариев. И денег на полезные дела больше останется.

– Ваша идея не лишена смысла, – согласился собеседник. – Однако на Старой площади готовится проект, выворачивающий её наизнанку. Там хотят установить выборность губернаторов законодательными органами субъектов Федерации. Но исключительно по представлению президента.

– Бред! Выбирать из одной кандидатуры нельзя.

– Почему нельзя? Мы так пятьдесят лет выбирали.

– Тогда было можно, а сейчас безальтернативные выборы у нас запрещены законодательством. Сам эту норму отстаивал.

– Они придумают, как это обойти. Закон у нас испокон веков как дышло.

Да, дышать в стране снова становилось тяжело. Свежий воздух конца восьмидесятых окончательно испортила новая затхлая атмосфера, возникшая на рубеже тысячелетий. Это ощущалось уже чисто физически. Прежде всего теми, кому было с чем сравнивать и кто обладал особенно тонким чутьём.

– Одна надежда – на вашу палату, – попытался подбодрить законодателя Берестов.

– Куда там! У нас теперь главный принцип, как при Брежнев: «Чего изволите».

– Но ведь половина ваших коллег представляет интересы региональных руководителей. Неужели те захотят устроить коллективное политическое самоубийство?

– Я и такого не исключаю. Ради демонстрации лояльности пойдут на что угодно. Российский конформизм, видать, неистребим.

– Золотые слова! Я и раньше говорил: наш главный идейный противник не убеждённый коммунист, а беспринципный конформист. Безусловно, эти свойства раньше очень часто совмещались в одном лице, образуя гремучую смесь. Но вторая составляющая всё равно опасней. Коммунисты и сегодня хоть в чём-то могут оказаться тактическими союзниками, а эти, простите, жополизы – публика абсолютно безнадёжная.

– Да, такие и до двадцать девятого года доведут. Меня всё время не покидает ощущение, будто мы живём в году этак двадцать шестом. Пока вроде бы и собственность частная приветствуется, и кое-какая демократия остаётся, и гласность, и частные издательства, и публичные дискуссии. Но уже определился свой Троцкий, наметились новые Каменев с Зиновьевым, скоро и Бухарин отыщется, а товарища Рыкова на посту премьера сменит нью-Молотов. Потом найдётся подходящая Промпартия, с которой разберутся по-свойски, но без крови, так, для острастки. А лет через десять безжалостная коса в твёрдой руке пойдёт косить направо и налево. Поэтому умные люди деток своих заранее в надёжное место переправляют. Вот и нам с вами об этом пора побеспокоиться: через год наши студенты дипломы получают, и можно уже их эвакуировать.

С первой частью рассуждений Александр был готов согласиться. Но вырывать собственное потомство из родной почвы и пересаживать в заморскую теплицу он категорически не хотел. С этим не надо спешить до самой последней минуты. Но ведь, с другой стороны, никогда её не угадаешь.

– Типун вам на язык! Разве можно лишать собственное Отечество всякой перспективы на здоровое будущее? Да и вряд ли начнутся настоящие репрессии. Если второй, послехрущёвский откат от демократии обошёлся практически без крови, то и нынешний, третий, едва ли грозит нашей жизни и свободе. Диалектика. Эффект затухания маятника. Да и глобализация поможет, не даст нас в обиду.

– Иностранцы никогда в российскую политику не вмешивались и сейчас вмешиваться не станут. ГКЧП к полудню первого же дня признали. Все, кроме бывшего диссидента Гавела.

Но белых ворон в этой стае больше не осталось. Поэтому генофонд нации беречь придётся нам самим.

Доведись в споре двух мужчин участвовать Кате, она бы тут же всё перевела на личности и, поймав озабоченного папочку на слове, поспешила если не сосватать тут же их детей, то сделать первый решительный шаг на пути к породнению обоих семейств. Александр же намёка не понял. Возможно, потому, что пока никого, кроме Виты, рядом с Петей себе не представлял.

Отец Алисы, наверное, Катю бы поддержал. Но отсутствие его жены делало межсемейное общение неполноценным, и он тоже предпочитал в чисто мужском разговоре делать акценты на общеполитические обобщения.

– Вы в последнее время часто бываете в глубинке? – озадачил его неожиданным вопросом Берестов.

– Разумеется. Я же глубинку в палате и представляю. Постоянно езжу в свой регион.

– И встречаетесь там больше с чиновниками и начальниками.

Парламентарий развёл руками:

– Я встречаюсь со своими избирателями. Их у меня ровно двадцать пять. Это, как вам известно, депутаты областного законодательного собрания. Каждому уделяю по часу в месяц. Шупать колоски в поле, гладить коров и судачить с бабками о пенсиях и водопроводах времени не остаётся. Этим пусть популисты балуются.

– А вы ходите как-нибудь в народ. И поймёте, что за генофонд нам беспокоиться нечего: там он сохранится. Это в Москве полное вырождение. Может, нам детей в провинцию лучше отправить? Свежую кровь в старые родовые жилы влить.

– Не знаю, как у вас, а у меня кровь самая обыкновенная. Да и с родом своим знаком мало и совершенно им не интересуюсь. Старше бабок с дедами никого не помню. Меня больше будущее интересует, а не прошлое. В известном смысле, я сам – родоначальник: ведь до меня ни одной значительной фигуры среди предков не водилось. Первым человеком с высшим образованием стал мой отец, вкальвывавший всю жизнь прорабом на стройке. Мать институт так и не кончила: работала простой медсестрой. Бабки обе неграмотные. Мужья их вряд ли далеко от жён ушли: я застал их совсем чуть-чуть и судить о них не берусь. Вот и весь род. Чем дальше вглубь веков – тем дремучей. Будем считать, что для моего фамильного древа все они – корни. А комель, как ни крути, я. Поэтому и беспокоюсь о веточках и листочках.

– Деревья черенками не размножаются. Где корни – там и роду быть.

– Я думаю, на хорошей почве и веточка корешки пустит. Так что подумайте, Александр Петрович.

Фразу, нарочито подчёркивающую конец беседы, член Совета Федерации произнёс, завидев приближение самого посла. Тот обменялся с обоими гостями ничего не значащими фразами, пристально косясь лишь в одну сторону – на Александра, давая понять на своём дипломатическом языке, что хотел бы побеседовать с ним конфиденциально. Отец Алисы быстро понял это и, извинившись, откланялся.

– Господин Берестов, мне поступила инструкция от министра снабдить вас кое-какой информацией в связи с вашим визитом в Германию. Вы могли бы немного задержаться сегодня?

– Разумеется, ваше превосходительство.

– В таком случае я жду вас в своём кабинете сразу по окончании приёма. Точнее, мы с супругой ждём вас и фрау Берестову, – поправился посол.

Информацией, как нетрудно было догадаться, оказался подробный план встречи с вице-канцлером. Его посол мог бы передать и в письменном виде. В этой аудиенции важным стало другое: у гостя с хозяином установились неформальные и на редкость тёплые для представителя такой страны и такой профессии отношения. То же, даже в большей степени, возникло и у их жён, тут же наметивших следующую встречу. Всё вместе это сулило Александру радужные

перспективы: ведь его план требовал особого участия, сочувствия и даже сострадания. Его превосходительство, не пробывший в Москве и ста дней после вручения верительных грамот, оказался как раз таким человеком. Потомственный аристократ и кадровый дипломат, сам в детстве переживший последнюю мировую войну и страх оккупации, он близко к сердцу воспринял историю шестидесятилетней давности и не преминул выразить свою классовую солидарность:

– Наши страны разными способами доказали, как непрочна идея империи без императора. Нам же с вами приходится нести двойную ношу: служить и республиканскому государству с его культом рационального, и этой иррациональной идее, которая может материализоваться лишь в далёком будущем.

Самым неожиданным для визитёра стал весьма прозрачный намёк посла по адресу Михаила Давыдовича. Дипломат недвусмысленно давал понять: люди подобного типа для цивилизованных государств персоны явно несимпатичные и как деловые партнёры неприемлемые. Их удел – вести совместный бизнес с себе подобными, коих несть числа на просторах мирового рынка. Но не с официальными структурами.

Домой Берестовы вернулись далеко за полночь, полные самых положительных эмоций. Катя получила их от знакомства с женой посла и от общения с Алисой. Александр – от серьёзной поддержки как своих начинаний, так и своей персоны. О неприятных предчувствиях пессимистически настроенного либерала с Большой Дмитровки он тут же забыл.

Петин возраст оказался самым востребованным в службе знакомств интернета, поэтому он решил свои данные в сеть не давать, а изучить желающих познакомиться с молодым человеком двадцати лет, высокого роста и приятной наружности, без вредных привычек, имеющим жилплощадь и не испытывающим материальных затруднений. Впрочем, один изъян у него всё же имелся: он едва ли мог выступать в роли спонсора, потому что деньги от родителей получал в ограниченном количестве: на карманные расходы, бензин, обеды в университетской столовой, откуп от дорожных вымогателей в милицейской форме, книги, сотовую связь, диски и билеты в кино. Любая крупная сумма требовала унижительного объяснения с отцом и матерью, как у министра культуры – с министрами экономического развития и финансов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.